

ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ

ТРОЕ НА ЧЕТЫРЕХ КОЛЕСАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Глава I

Главное — сменить обстановку. — История, которая служит наглядным примером того, чем чревата хитрость. — Малодушие Джорджа. — У Гарриса возникают идеи. — Повесть о старом моряке и недотепе яхтсмене. — Душевные парни. — Чем опасен ветер с берега. — И с моря. — Назойливость Этельберты. — Речная сырость. — Гаррис ратует за велопробег. — Джордж думает о ветре. — Гаррис за Шварцвальд. — Размышление Джорджа о горах. — План горных вершин. — Вмешательство миссис Гаррис.

— Сейчас главное — сменить обстановку, — заявил Гаррис.

Тут распахнулась дверь, и на пороге появилась миссис Гаррис; ее послала Этельберта, чтобы я не забыл: дома остался Кларенс. Этельберта вечно расстраивается по пустякам — ничего особенного с нашим ребенком не произошло. Просто утром они с тетей вышли погулять, а когда Кларенс останавливался у кондитерской и начи-

нал со свойственным детям любопытством разглядывать выставленный на витрине товар, она немедленно тащила его к прилавку и угощала пирожными и ромовыми бабами; кончилось тем, что ему это надоело, и он вежливо, но решительно заявил, что сыт сладостями по горло. За завтраком Кларенс, как и следовало ожидать, ограничился только одной порцией пудинга, однако Этельберта решила, что мальчик заболел. От себя же миссис Гаррис добавила, что если мы не поспешим в гостиную, то рискуем лишиться себя удовольствия услышать, как Мюриэль будет в лицах изображать «Сумасшедшее чаепитие» из «Алисы в стране чудес». Мюриэль — младшая дочка Гарриса; ей восемь лет, но развита она не по годам. Скажу по секрету, что столь значительное произведение искусства, как «Алиса», я предпочитаю изучать по первоисточнику. Мы сказали, что выкурим по последней и придем, и попросили без нас не начинать. Миссис Гаррис обещала, насколько это возможно, обуздать творческий порыв своего чада и исчезла. Как только дверь за ней закрылась, Гаррис развил свою мысль:

— Я, разумеется, имею в виду полную смену обстановки.

Весь вопрос заключался в том, как этого добиться.

Джордж предложил «деловую поездку». Это вполне в духе Джорджа. Он холостяк и даже не подозревает, что обвести замужнюю женщину во-

круг пальца не так уж и просто. У меня был один знакомый, юный инженер, который как-то решил съездить в Вену «по делам компании». Когда же его жена поинтересовалась, что за «дела» у компании в Вене, он объяснил, что должен ознакомиться с шахтами в окрестностях австрийской столицы и представить фирме подробный отчет. Тогда жена заявила, что поедет с ним, — бывают ведь и такие жены. Муж попытался было ее отговорить: шахты, дескать, не самое подходящее место для хорошенькой женщины, — однако супруга возразила, что и без него это прекрасно понимает и ползать по штрекам и забоям вовсе не собирается. Утром она проводит его на службу, а сама отправится по магазинам. Придумывать другой предлог было уже поздно, и отделаться от жены инженеру так и не удалось. В результате десять долгих летних дней он просидел под землей в предместьях Вены, а вечерами строчил отчеты, которые супруга собственноручно носила на почту и которые вызывали полное недоумение у его лондонского начальства.

Я, разумеется, не допускаю и мысли, что Этельберта или миссис Гаррис могут принадлежать к женам этой категории, но все же «деловой поездкой» злоупотреблять не следует, лучше такую «поездку» приберечь на крайний случай.

— Нет, — сказал я. — Не будем кривить душой. Этельберте я скажу, что мы, мужчины, не ценим своего семейного счастья, и поэтому, что-

бы по-настоящему понять, что это такое — а мне просто необходимо это понять, — я решил вырваться из семьи по крайней мере на три недели. Я скажу ей, — с этими словами я повернулся к Гаррису, — что это ты указал мне на мой супружеский долг и что, если бы не ты...

Гаррис с некоторой поспешностью опустил свой стакан.

— Послушай, старина, — перебил он, — прошу тебя, не делай этого. Твоя жена передаст моей жене, и... э-э-э... будет как-то неловко выслушивать комплименты, которых я не заслужил.

— Заслужил, заслужил, — успокоил его я, — ты же первый предложил нам немного развеяться.

— Да, но идея-то твоя, — не дал договорить мне Гаррис. — Кто, как не ты, сказал, что, погружаясь в унылое однообразие повседневности, мы совершаем непростительную ошибку и что домашний уют разжижает мозги? Ты ведь?

— Я не имел в виду никого конкретно, — пояснил я.

— А по-моему, ты имел в виду именно нас, — возразил Гаррис. — Я уж было подумал, не обсудить ли эту мысль с Кларой — естественно, сославшись на тебя; она ведь считает тебя очень умным. Уверен, что...

— Лучше не рисковать, — в свою очередь перебил его я. — Дело это тонкое, но выход есть. Давайте скажем, что все придумал Джордж.

Я бы не сказал, что Джордж принадлежит к тем людям, кто не раздумывая протягивает руку помощи ближнему. Вы, наверное, решили, что он пришел на выручку двум старинным друзьям? Ничуть не бывало.

— Дело ваше, — сказал Джордж, — но я, со своей стороны, им напомним: с самого начала я ратовал за семейный отдых; вы берете детей, я беру тетю, и мы снимаем какой-нибудь старинный шато* в Нормандии, на морском берегу, — климат там на редкость благотворно действует на неокрепший детский организм, а молоко такое, какого в Англии ни за какие деньги не сыщешь. Напомню я также и о том, что вы с негодованием отвергли мое предложение, уверяя, что одним нам будет гораздо веселее.

Люди вроде Джорджа добрых слов не понимают. С ними не стоит церемониться.

— Хорошо, — сказал Гаррис. — Твое предложение принимается. Снимаем шато. Ты привозишь тетю — попробуй только не привези! — и мы живем в Нормандии целый месяц. Дети тебя обожают — мы с Джеем для них просто не существуем. Эдгару ты обещал научить его ловить рыбу; охотиться на львов тоже будешь с ними ты! Дик с Мюриэль всю неделю вспоминали, как в воскресенье ты изображал гиппопотама. Днем будем устраивать пикник в лесу — нас всего-то один-

* От *фр.* «chateau» — замок, вилла.

надцать человек, — а по вечерам — музицирование и декламации. Мюриэль — ты уже, наверное, в курсе — разучила с полдюжины стишков, да и другие дети от нее не отстанут.

Джордж сдался — истинной смелостью он никогда не отличался, — однако признать себя побежденным согласился не сразу. Он заявил, что это удар ниже пояса, и что раз уж мы такие подлые, лживые и коварные, то он умывает руки, и что если я не собираюсь в одиночку осушить всю бутылку кларета, то он покорнейше просит налить и ему стаканчик. И тут же добавил — непонятно, с какой стати, — что все это не имеет никакого значения, ибо и Этельберга, и миссис Гаррис — с их-то умом и проницательностью — высоко ценят его и нам ни за что не удастся убедить их, что это он внес такое идиотское предложение.

Покончив с Джорджем, мы перешли к вопросу о том, каким образом сменить привычную обстановку.

Гаррис, по своему обыкновению, ратовал за море. Он сказал, что есть у него на примете одна яхта, именно то, что нужно: она легка в управлении, и можно будет обойтись без лодырей, которые только и знают, что торчать на палубе да деньги клянчить. Какая уж там романтика! А тут, при наличии толкового юнги, Гаррис сам бы повел судно. К несчастью, мы эту яхту знали (о чем ему и напомнили). Как-то раз Гаррису удалось заманить нас на нее. Яхта пахла затхлой водой

и водорослями, и с этим букетом обычному морскому воздуху трудно было тягаться — ощущение возникало такое, будто принимаешь грязевые ванны. Спрятаться от дождя было негде: кают-компания — десять футов на четыре, причем половину площади занимала плита, которая при попытке подбросить угля мгновенно разваливалась на куски. Ванну пришлось бы принимать прямо на палубе, и стоило вылезти из лохани, как ветер тут же сдувал полотенце за борт. Всю интересную работу взяли на себя Гаррис и юнга: бросали лаг, ставили рифы, отдавали швартовы, вставали к повороту, — на нашу же долю выпало чистить картошку и драить палубу.

— Что ж, дело ваше, — сказал Гаррис, — давайте тогда найдем настоящую яхту — со шкипером, командой и всем, что полагается.

Но и эта идея пришла мне не по душе. Знаем мы этого шкипера: в его представлении отправиться на морскую прогулку — значит лечь в дрейф, как они выражаются, «в виду берега», причем того, где остались его жена, дети и, главное, любимая пивная, разлучаться с которой он не собирается.

Мне и самому довелось брать напрокат яхту. Было это давным-давно, на заре нашей супружеской жизни. Стечение трех роковых обстоятельств заставило меня совершить эту глупость: неожиданно-негаданно я получил кучу денег; Этельберта стала жаловаться, что соскучилась

по морскому воздуху; в то злополучное утро совершенно случайно, читая в клубе свежий номер «Спортсмена», я наткнулся на объявление:

«Для любителей парусного спорта. Уникальная возможность. «Гончая», 28-тонный ял. В связи со срочным отъездом сдается на любой срок быстроходная яхта с великолепной оснасткой. Две каюты и салон; пианино фирмы «Воффенкопф»; новое прачечное оборудование. Условия: 10 гиней в неделю. Обращаться по адресу: «Пертви и К° д. За, Баклерсбери».

Все складывалось как нельзя лучше. «Новое прачечное оборудование» меня мало волновало: со стиркой можно было не торопиться, — но вот «пианино фирмы «Воффенкопф» выглядело весьма заманчиво. Я представил себе летний вечер, уютный салон, Этельберту, сидящую за инструментом; вот она берет первые аккорды — и тут вступает слаженный хор матросов, — а яхта наша мчится на всех парусах в родной порт.

Я сел в кеб и поехал прямо в Баклерсбери, д. За. В мистере Пертви не было ничего примечательного, да и контора была скромной и помещалась на четвертом этаже. Мистер Пертви продемонстрировал мне цветную акварель, на которой была изображена «Гончая», обгоняющая ветер. Палуба вздымалась под углом девяносто пять градусов. Людей на палубе не было, они, наверное, попада-

ли за борт. И действительно, трудно было понять, как матросы могли держаться на ногах, не приколотив себя предварительно к доскам пола.

Я поделился своими соображениями на этот счет с хозяином конторы, но тот объяснил мне, что на картине показано, как «Гончая» обходит кого-то на повороте, — факт, как известно, имевший место на гонках в Медуэе. Мистер Пертви был настолько уверен в том, что все подробности регаты мне досконально известны, что вопросы я задавать постеснялся. Два цветных пятнышка у рамки, которые я по наивности принял за бабочек, оказались при ближайшем рассмотрении вторым и третьим призерами этих знаменитых гонок. Фотография яхты, стоящей на якоре близ Грейвзенда, производила не столь внушительное впечатление, зато яхта на ней выглядела более устойчивой. Получив ответы на все свои вопросы, я нанял яхту на две недели, что вполне устраивало мистера Пертви (и, как впоследствии выяснилось, меня тоже). Потребуйся мне яхта не на две, а на три недели, мистеру Пертви пришлось бы мне отказать — на этот срок яхта была уже обещана.

Когда мы договорились об условиях, мистер Пертви поинтересовался, нет ли у меня на примете шкипера. Я сказал, что нет, и оказалось, что мне опять страшно повезло (похоже, счастье само шло мне в тот день в руки): мистер Пертви был уверен, что лучшего шкипера, чем м-р Гойлз, мне не найти. «Это отличный моряк, — заверил меня мистер

Пертви, — море знает, как собственную жену, и бережет пассажиров как зеницу ока».

Было еще не поздно, а яхта стояла в Харидже. Я сел на поезд «десять сорок пять» и уже в час стоял на борту яхты, беседуя с м-ром Гойлзом. В облике этого толстяка сквозила отеческая заботливость. Я рассказал ему о своих планах: мы минуем Голландские острова и идем в Норвегию, — на что он ответил: «Есть, сэр!» — и, как мне показалось, с энтузиазмом воспринял мое предложение; больше того, он сказал, что такое плавание придется и ему по душе. При решении продовольственной проблемы энтузиазм его вспыхнул с новой силой. Количество продуктов, предложенное м-ром Гойлзом, меня, признаться, несколько смутило. Живи мы во времена Дрейка и Испанской армады, и я бы заподозрил, что на корабле затевается бунт. Но его добродушный смех рассеял мои опасения. Лишнего, заверил он меня, не будет; если что и останется, парни поделят это между собой и возьмут домой — есть, кажется, такой морской закон. Мне показалось, что «лишнего» с избытком хватит команде на всю зиму, но, не желая показаться скаредным, я промолчал. Количество спиртного потрясло меня в меньшей степени. Сначала я прикинул, сколько нам потребуется самим, и назвал довольно скромную цифру, а затем м-р Гойлз выступил от имени команды. К чести его замечу, что о своих людях он заботился как о собственных детях.

— Пьянства, мистер Гойлз, я не потерплю, — сказал я.

— Пьянства? — удивился м-р Гойлз. — Да разве ж это пьянство, сэр, если моряк плеснет себе в чай самую малость рому?

Он объяснил, что его девиз: «Набери хорошую команду и обращайся с людьми по-людски».

— Они будут лучше работать, — сказал м-р Гойлз, — и они к вам вернутся.

По правде сказать, мне не очень хотелось, чтобы они возвращались. Больше того, я возненавидел их заочно: они рисовались мне обжорами и пьяницами. Но м-р Гойлз говорил так убедительно, а я был так неопытен, что уступил и тут. Гойлз же заверил меня, что лично проследит, чтобы по «этой статье» остатков не оказалось.

Набор команды я также возложил на м-ра Гойлза.

— Пара матросов и юнга, заявил он, — больше нам не понадобится.

Если речь шла об уничтожении запасов еды и спиртного, то, по-моему, он несколько преувеличивал возможности одного человека, но, быть может, трое — оптимальное число для управления яхтой.

По пути домой я забежал к портному и заказал спортивный костюм, который мне пообещали сшить срочно, а также белую шляпу, после чего поехал к Этельберте и сообщил ей новости. Восторг ее был беспределен, и волновало ее только

одно: успеет ли портниха сшить ей новое платье. Ох уж эти женщины!

Мы совсем недавно вернулись из свадебного путешествия, но оно было непродолжительным, и мы решили провести время на яхте вдвоем. И слава богу, что так решили!

В понедельник мы выехали. Туалеты были готовы в срок. Не помню, в чем была Этельберта, но выглядела она превосходно. На мне же был эффектный темно-синий костюм, отороченный узким белым кантом.

М-р Гойлз встретил нас на палубе и отрапортовал, что обед готов. Должен заметить, что с обязанностями кока он справлялся великолепно. Оценить по достоинству сноровку других членов команды мне так и не удалось — в деле я их не видел, — но теперь, задним числом, я должен заявить, что ребята мне попались лихие.

План мой был таков: как только команда пообедает, мы поднимаем якорь; я закурываю сигару, мы с Этельбертой облакачиваемся о фальш-борт и смотрим, как белые скалы отчизны тают на горизонте. Свою часть программы мы с Этельбертой выполнили и стали ждать. Поднять якорь, однако, никто не спешил.

— Что-то они долго копаются, — заметила Этельберта.

— За четырнадцать дней, — сказал я, — им предстоит прикончить хотя бы половину всех припасов. Естественно, обед у них затянулся. Но

лучше их не торопить, а то они не осият и четверти.

— Скорее всего они пошли спать, — предположила Этельберта немного погодя. — Уже пора пить чай.

Они определенно не спешили. Я прошел на ют и позвал м-ра Гойлза. Звать пришлось трижды, и лишь после этого он чинно поднялся на палубу. За то время, что мы не виделись, он как-то постарел и обрюзг. В зубах он сжимал окурочек сигары.

— Доложите, когда вы будете готовы, капитан Гойлз, — процедил я. — Мы выходим в море.

Капитан Гойлз вынул изо рта окурочек:

— Простите, сэръ, но сегодня ничего не выйдет.

— Почему? Чем вас не устраивает сегодняшний день? Как известно, моряки — народ суеверный, а понедельник — день тяжелый.

— День как день, сэръ, — ответил капитан Гойлз, — только вот ветер мне что-то не нравится. Не похоже, что он переменится.

— А по-моему, ветер дует как раз туда, куда нам надо.

— Вот-вот, — сказал капитан Гойлз. — Это вы правильно выразились: «куда нам надо». Все мы *там* будем, но спешить не стоит. А если мы выйдем в море при таком ветре, то очень скоро *там* и окажемся. Понимаете, сэръ, — пояснил он, заметив мое недоумение, — это, по-нашему, береговой ветер, то есть дует он вроде как с берега.